

Рождение Афродиты. Мрамор. Около 470 г. до н. э.

УДК 13

Батурин В.К.

Миф как пространство и время только что родившегося Человека

Батурин Владимир Кириллович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Всероссийского заочного финансово-экономического института (Москва), академик РАЕН

E-mail: BaturinVK@yandex.ru

Статья представляет собой исследование пространства и времени мифа как формы первичной опредмеченности человеческого бытия. Выделены основные интегральные характеристики мифологического мышления, показаны восходящие к мифологическому инварианты философской рефлексии и в целом человеческого познания.

Ключевые слова: пространство, время, миф, мифология, мифологическое мышление, ритуал, табу, традиция, природа, деятельность, космос, хаос, познание, наука.

Пространство и время представляют собой формы, выражающие определенные способы координации материальных объектов и их состояний. Пространство характеризует *существование* явлений, а время – их *сменяемость*. Наиболее общая характеристика пространства – свойство объекта быть протяженным, занимать место среди других, граничить с другими объектами. Наиболее общая характеристика времени –

сравнение различных длительностей, развертывание процессов, их ритмы и темпы.

Существует, однако, и более древнее понимание: в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «время», кроме привычных нам значений, имеет еще такие, как «погода, состояние воздуха», а также «счастье, земное благоденствие, благосостояние». И не только в русском, но и в некоторых других языках одно и то же слово имело значения и «время» и «погода»; видимо, регулярное изменение погоды служило для них очевидным и наглядным проявлением того, что в их жизни постоянно что-то меняется, «вертится» (непосредственным предшественником русского «времени» было древнерусское «вертмя»). И лишь значительно позже люди стали понимать, что время – это нечто большее, чем просто погода.

Что касается понятия «пространство», то с ним все обстоит гораздо сложнее. Достаточно сказать, что у Аристотеля, например, пространственная модель Космоса включала в себя 56 сфер! Пространство Космоса было иным, чем Пространство земной поверхности, Пространство надлунного мира принципиально было непохоже на Пространство нашего земного (подлунного) мира. Земное Время резко отличалось от космического Времени.

Но главное содержание этих понятий, согласно М.Хайдеггеру, – иное и таинственное: «Пространство – не относится ли оно к тем первофеноменам, при восприятии которых, по словам Гёте, охватывает род испуга, чуть ли не ужаса? Ведь за пространством, казалось бы, нет уже больше ничего, к чему его можно было бы возводить. От него нельзя уклониться к чему-то иному»¹. Точно такой испуг и ужас у людей присутствует и в отношении времени – ведь оно «пожирает» их жизнь, в конечном итоге отнимает ее у них. Это – современное восприятие пространства и времени, что уж говорить о древнейшем мифологическом?

Цель данной статьи – показать, что определяло пространство и время только что рождающегося Человека. Мы постараемся показать, что человек за все время своего существования был настоящим Человеком именно в мифологические времена, но затем... Затем произошло то, что в XIX веке наш великий соотечественник Ф.М. Достоевский определил следующим образом: «Человек не получился. Человек – жалкая насмешка на человека». Исходя из этого вердикта великого русского философа и писателя о человеке вообще, можно отметить: вполне получившимся был только один тип исторического человека – мифологический человек. Этот вывод, в свою очередь, алгоритм сегодняшних наших действий: человек грядущего будущего, если он захочет тоже «получиться», будет с необходимостью обязан стать тоже мифологическим человеком, поскольку значение и роль мифологии для человечества – не столько в прошлом, сколько в будущем (Д.Вико, Ф.Ницше). Так что разговор о пространстве и времени мифа – это, на самом деле, прогнозный проект Пространства и Времени Будущего...

Итак, о мифологии – великой, загадочной, до сих пор крайне необходимой и принципиально востребованной.

Мифология – первая историческая форма человеческого *мировоззрения* – предельно общего понимания мира и человека, системы взглядов человека на окружающий мир и места человека в нем².

Наиболее полное определение мифа дал наш отечественный философ А.Ф. Лосев:

«1. Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но – логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще.

2. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность.

3. Миф не есть научное, и в частности, примитивно-научное, построение, но – живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру.

4. Миф не есть метафизическое построение, но – реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешённой от обычного хода явлений, и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархийности, разную степень отрешённости.

5. Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ; и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои.

6. Миф не есть поэтическое произведение, но – отрешённость его есть возведение изолированных и абстрактных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимоотносящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство»³.

В мифологическом мышлении человек ещё не отделен от внешней природы. Как человек, так и все остальное слито, неразделимо, едино. Индивидуальное сознание не вычленено из группового сознания, не различаются образ и предмет, субъективное и объективное, принципы активности не отделены от самой активности. Устройство первобытного общества переносится на саму природу, природные свойства и связи конструируются по аналогии с действующими лицами, ролями и отношениями в родовой

¹ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 243.

² Романов И.Н., Костяев А.И. Философия. Исследования – тексты – схемы – таблицы – упражнения – тесты. Учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2003. С. 14.

³ Лосев А.Ф. Русская философия. // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат 1991. С. 71–72.

общине путем олицетворения, антропоморфизма, анимализма. И наоборот – человек, родовые связи описываются в образах природы (зооморфизм, фитоморфизм и т.д.). Способность мышления фиксировать свойства вещей и жестко закреплять их за ними пока развита слабо, т.к. ещё не сформированы логические структуры опосредования, обоснования, доказательства. Объяснение сущности вещей сводится к повествованию о её происхождении. Указанные особенности мифологического мышления отражаются в языке, для которого характерно отсутствие имен, фиксирующих родовые понятия и наличие множества слов, обозначающих данный предмет со стороны его разных свойств, на разных стадиях, в разных точках пространства, в разных ракурсах восприятия. Одна и та же вещь имеет разные названия, а различным предметам и существам (живым и неживым, животным и растениям, предметам природы и людям) приписывается одно имя. С этим связаны полисемантизм, а впоследствии метафоричность и символизм мифологического мышления.

Значительное место в мифологическом мышлении занимают *бинарные оппозиции* как инструментальной познавательной и практической активности мифологического человека: Земля – не-Земля, свет – тьма, правое – левое, мужское – женское, жизнь – смерть и т.д. Дуальные оппозиции снимаются в ходе медиации – замены исходного противопоставления некоторыми производными образованиями с привлечением случайных факторов и конструируемых произвольно, с помощью различных ассоциаций и отношений. Выраженное в слове содержание приобретает характер непосредственной действительности. Внушающий фактор речи обуславливает неосознанность и неотвратимость передачи и усвоения мифа¹.

Мифологическое сознание отличается синкретизмом, восприятием картин, рожденных творческим воображением человека в качестве «неопровержимых факторов бытия» (Лосев). Для мифологического содержания не существует грани естественного и сверхъестественного, объективного и субъективного; причинно-следственные связи подменяются связью по аналогии и причудливыми ассоциациями. Мир гармоничен, строго упорядочен и не подвластен логике практического опыта. Естественноисторическая неполнота достоверного знания о мире, не разработанность понятийного аппарата и принципов познания мира предопределили появление мифа как некоей гипотезы, импровизированного суждения по поводу реальности, которое потом предстает как единство возможного и самоочевидного содержания облика мира².

Ещё одна важная сторона мифа состоит в том, что он представляет собой опредмечивание различных *коллективных фобий*, оформленных в яркие и доступные образы массовых ожиданий, страхов, надежд на основе эмоциональных созвучий и субъективной убежденности³.

Огромна роль языка в порождении и развитии мифа: сам язык рождает мифы, миф – «болезнь языка». «Язык, без сомнения, играл значительную роль в образовании мифа, – подчеркивал Тайлор. – Уже самый факт именованя таких понятий, как зима и лето, холод и жара, война и мир, добродетель и порок, давал составителю мифов возможность представлять себе эти идеи в виде личных существ. Язык действует не только в полном согласии с воображением, продукты которого он выражает, но он творит и сам по себе, так что рядом с мифическими идеями, в которых речь следовала за воображением, есть и такие, в которых речь шла впереди, а воображение следовало по проложенному ею пути. Оба эти действия слишком совпадают в своих результатах, чтобы можно было вполне отделить их. Тирания слова над человеческим умом – один из двигателей мифотворчества»⁴.

Миф вводит человека в ситуацию Священного времени, времени Начал и Истоков. Мирское время прерывно, дискретно, преходяще. Священное же время непрерывно – целостно, равно самому себе и независимо от человека. Жизнь Космоса представляется вечным возвращением к истокам Времени и Началу Мира (космический цикл); возвращение *туда*, к начальному времени осуществляется посредством проведения праздников и закрепляется в архетипе праздника. Только вернувшись к Истокам, *туда* – только так можно что-либо изменить, обновить, укрепить, усилить; находясь в мирском времени этого сделать нельзя, нужно для этого вернуться именно во время Священное⁵.

В творении Мира проводится мифологическое различие *Ургии и Гонии* (эта особенно характерно для нашей, славянской, мифологии). Анализируя эти мифологические начала на современном языке, следует отметить, что *ургия* – это некая метаморфоза, революция, точка бифуркации, она – нечто резкое, мужское, насильственное, неестественное, культурное. *Ургия* – спровоцированное изменение чего-либо в Мире, похожее больше на целенаправленное достижение заранее поставленной цели, на некое управление. Совсем иной смысл у *гонии* – это естественное, плавное, женское, мягкое, эволюционное, ненасильственное, традиционное саморазвитие⁶.

Две эти составляющие любого процесса развития – *ургийная и гонийная* – некие *синергетические*

¹ Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В.Г.Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 333.

² Новейший философский словарь / Редколл. ... Я.С. Яскевич. Мн.: РИВШ, 2005. С. 634.

³ Там же.

⁴ Тайлор Э.Б. Первобытные культуры / Пер. с англ. Д.А.Коропчевского. М.:САТИ ИАЭТ СОРАН, 2003. С. 76.

⁵ Домников С.Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. С. 26.

⁶ Там же. С. 29.

начала мифологического.

Следует ещё раз подчеркнуть, что все события, поступки людей на Земле находили свои идеальные прообразы в Небесном и (или) Подземном Мирах, соизмерялись с организованностью, разомкнутостью Мира Неба, или хаотичностью, бесформенностью, неправильностью Мира Подземного (Преисподней). Но главное именно в том, что земное существование человека было непрерывным отражением Небесного или Подземного планов¹.

Миф самозакрывает, завершает и единственное движение, возможное в нем, – *только повтор, только воспроизведение* уже некогда свершившегося, безо всяких изменений и интерпретаций².

Основными интегральными характеристиками мифологии являются:

1) *глобальность масштаба*: мифология моделирует весь мир в целом;
 2) *синкретичность масштаба* – совпадение, единство и нерасчлененность семантического, аксеологического и праксеологического ее начал;

3) *структурно-семантическая гетерогенность* – миф при совпадении с действительностью в некоторых точках заполняет смысловые лакуны фантастическими объяснительно-интерпретационными моделями;

4) *универсальность мифологического ригоризма* – отсутствие рассогласования между сущим и должным: несмотря на свой драматизм и даже трагичность мировой процесс в его мифологическом виде изображен и протекает в конечном счете все-таки в полном соответствии с установленной *сакральной программой*;

5) *парадигмальность мифологии* по отношению ко всем формам поведения и активности человека в соответствующих архаичных обществах;

6) *принципиальная инфинитивность (рецитативность) мифа*, предполагающая актуальное разворачивание в культуре всего спектра дериватов: объяснительный потенциал мифологии может быть реализован только при условии ее перманентного толкования, интерпретации его содержания, не допуская при этом критики и сохраняя исходное ядро смысла;

7) *внутренняя установка мифологического на имманентное понимание и истолкование* – именно здесь закладывается *герменевтическая традиция* интерпретаций как традиция имманентного истолкования текста;

8) *нормативная фидеистичность*: для адаптации любого мифа в массовом сознании необходимо *конфиденс-обеспечение* – миф живет до тех пор, пока в него верят, и любая критическая аналитика, тем более скепсис, просто невозможны внутри мифологии;

9) *самосакрализация мифологического*, основанная на наличии внутри нее специфических защитных механизмов, функционирующих в амбивалентном режиме «кнута и пряника», – *программ любви и страха*;

10) *обязательность механизма сакрализации имени* – носителя мифологического сознания, выступающая основой именного типа транслирования информации от поколения к поколению; позднее, при коллективной адресации мифа, – сакрализация имени *этноса* (иудеи, эллины, славяне и все др.);

11) *достаточный объяснительный потенциал мифологического*, работающего как вовне (интерпретационная ассимиляция новых феноменов, попавших в сферу рассмотрения мифа), так и вовнутрь (незамедлительное «затягивание» семантических разрывов за счет реинтерпретации наличных мифов или создания нового квазимира);

12) *имманентная прагматичность*: мифологическое выступает базовым средством достижения реальных прагматических целей, выступая информационно-технологическим ресурсом обеспечения хозяйственной, бытовой, коммуникативной и т.д. деятельности;

13) *обязательная сопряженность с ритуалом*: обряд как форма магического действия направлен на достижение реальных целей иллюзорными средствами, и тем самым мифологическое неразрывно связано с ритуалом;

14) *нерефлексивность*: в мифологическом содержании не допускается рефлексивное, неимманентное, несакрализованное действие или подход;

15) *консервативность*: мифологическое не склонно к инновациям, ибо каждый миф должен быть адаптирован в содержание мифологии посредством некоего интерпретационного механизма, что разрушительно для оснований мифологического и поэтому изначально отторгается.

Таковы основные интегральные характеристики мифологического; помимо них необходимо обязательно отметить ещё целый ряд важных свойств (характеристик) мифологического:

- *антропоморфизм*;
- *этиологизм*, понятый как *генетизм* (напомним, что *aitia* – причина); *гилозоизм* – тотальное оживотворение бытия;
- *анимизм* – одушевление фрагментов Космоса;
- *конструирование* всей архитектоники *посредством введения бинарных оппозиций*;

¹ Там же. С. 38.

² Там же. С. 634.

- *гетерогенность времени мифа* как структурированного соотношения профанного и сакрального временных периодов – именно отсюда циклические представления о течении времени, предлагающие регулярный возврат временного движения к точке сакральной даты «начала времен» (акт «космогенеза»);
- *аллегоризм* обобщений, где механизмом его осуществления выступает персонификация обобщенных явлений¹.

Не вдаваясь в дальнейшую детализацию содержания мифологии, отметим и проанализируем только то, что важно для нашего исследования.

Мифология – это некое единство *активности человека*, «запечатанной» прежде всего в *ритуалах*, направленной на особое взаимодействие с *реальностью*. Результатом этого взаимодействия являются некие устойчивые и прочные *традиции*, являющиеся, с одной стороны, неким отражением реальности, а, с другой стороны, выполняющими регулятивную и смыслообразующую роль для осуществления человеческой активности (прежде всего – в форме ритуала, как уже было выше отмечено). Конструкцию активности человека, наконец, ограничивают различного рода *табу*.

Предметами табу были вещи, животные, люди, слова, действия и т.д. Некоторые из них попадали под табу, поскольку считались священными, другие же – наоборот, «нечистыми» в мифологическом или религиозном смысле. По древним представлениям людей за любое прикосновение к священному (так же как и к «нечистому») их ожидало наказание, идущее от таинственных высших сил, от духов и богов.

Практика табуирования – главный механизм регулирования социальных отношений. Половозрастные табу разделили племена на брачные классы и тем самым исключили половые связи между близкими родственниками. Пищевые табу определяли характер пищи, которая предназначалась разными представителями древнего общества – вождю, воинам, женщинам, детям, старикам. Другие табу должны были гарантировать неприкосновенность жилища или очага, соблюдение правил погребения, распределения обязанностей и прав между членами общины. Соплеменники были буквально задавлены гнетом бесчисленных табу, нарушение которых строжайше наказывалось (по выражению Леви-Брюля, люди в архаичном обществе были подконтрольны формуле «Мы не верим, мы боимся»)

Не выполнять некоторые табу допускалось только избранным, например, жрецам, вождям и выдающимся воинам².

В мифологические времена совершилось ещё одно важное событие – *авторитарное дробление активности человека* – «... отделение «головы» от «рук», повелевающего от повинующегося. Именно так возникла авторитарная форма жизни; она до сих пор – основное и главное разделение общества ... Смысл его в том, что отчетливо или смутно опыт одного человека признается принципиально неравным опыту другого человека»³.

Подмеченное А.А.Богдановым авторитарное дробление активности человека – это действительно очень важное обстоятельство, порожденное мифологическим – ведь получается, что для большинства членов архаичного общества активность допускается только запрограммированная, только активность в рамках некой жесткой «колеи» (это – для большинства и это – в форме активности именно как ритуала); для избранных («элиты» того общества – жрецов, вождей, выдающихся военных) – другая активность, гораздо более свободная, вне «колеи», активность уже в форме первозданной *деятельности*.

Это важнейшее свойство авторитарного дробления активности человека важно не только содержанием тех сторон, которые высвечены самим А.А.Богдановым, но и содержанием со стороны проблематики нашего исследования, а именно: *активность человека в мифологические времена представлена двумя компонентами – традицией (ритуалом) и деятельностью* (с господствующим для большинства преобладанием именно ритуала).

Наступят и другие времена – уже не мифологические, а условно сказать «научные», где преобладать будет уже активность *в форме деятельности*. К этому вопросу мы еще не раз вернемся, но здесь надо было показать истоки, начала этих важных процессов и мы постарались это сделать с привлечением различных мифологических обстоятельств и аргументов.

Еще очень важно подчеркнуть то, что человеческая активность как в форме ритуала, так и в форме деятельности имеет смысл именно потому, что она способна оказать *влияние на поведение Космоса* и здесь основополагающий принцип – *принцип всеподобия*, согласно которому «человек осознает себя частью Вселенной...Хороводный круг, круг как символ упорядоченности...как идея всеобщей связи и всеобщего единения»⁴.

Эта связь, связь космическая (ни как не меньше!) не прекращалась даже после смерти конкретного человека архаичного общества! Исследовано, что «...связь с миром предков осуществляется посредством труда (земледелия), сохраняющего ритуальный характер на протяжении всей истории земледель-

¹ Новейший философский словарь... С. 635–637.

² Словарь философских терминов... С. 572.

³ Богданов А.А. Новый мир: Собрание человека // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 26.

⁴ Домников С.Д. Указ. соч. С.109.

ческой цивилизации... Умершие якобы продолжали жить под землей и имели над ней большую власть, чем земледелец, ходивший по ней с плугом... Забота о посевах сочетается с заботой о покойниках... предки присутствуют за общим столом... им первый кусок любого блюда...»¹.

Практически одинаковы *ритуалы родин и похорон*: «...обряд похорон – это тот же родинный обряд, исполненный в обратном порядке: при рождении он начинается с доставания тела из чрева матери (земли), при смерти обряд завершается погружением тела в чрево земли (матери)...»².

Наконец, отметим, что в культивировании дуальности земного и неземного, живого и мертвого, открывается *поразительная мудрость мифологической архаики*: «невозможно жить только на небе, телесность обуславливает необходимость заботы о материальном. Но невозможно жить только земным: увлечение плотским губит плоть, ...забота о форме губит содержание...»³.

Из этого подхода, в частности, еще одно любопытное и важное *свойство (характеристика) мифологического*: «Мастер, поставивший свой талант на службу обществу, мог возноситься до уровня святого, рассматриваться как посредник между миром и небом, но всякое самоволие или эгоизм с его стороны немедленно превращали такого человека в глазах большинства в носителя темных сил, воплощение зла. Такие люди зачастую отторгались обществом...»⁴.

«Когда архаический кузнец, творя заклинания перед началом работы, переживает свой труд как служение богам и духам горна – он воспроизводит вечный и неизменный мир Традиции. Когда же владелец кузницы работает ради того, чтобы произвести максимальное количество товара такого качества, который может быть продан по выгодной для него цене, он воспроизводит мир безграничной динамики; это соответствует переходу от ценностно-рациональной к целерациональной деятельности доминанте»⁵.

Мифологическое мышление, основанное на жестких, обязательных предписаниях, следование которым подобно движению в колее, породило целый ряд таких мощных и долгоживущих традиций, которые продолжают действовать и поныне, будучи «встроенными» и в научное мышление современного человека. Как отмечал К.Ясперс, традиция неустранима из нашей истории, поскольку само историческое существование человека возможно только благодаря постоянному обращению к непреходящим духовным свершениям прошлого. Историческое «является традицией благодаря авторитету и составляет непрерывность благодаря воспоминанию о прошлом. Историческое – это гибнущее, но вечное во времени несовершенство человека и его историчность – это одно и то же. Поэтому чем больше мы его постигаем, тем больше поражаемся и все снова продолжаем искать»⁶.

О значении традиции хорошо видно из следующего положения М.Хайдеггера: «Что и как бы мы ни пытались помыслить, мы мыслим в пространстве традиции»⁷. «Всякое восприятие и понимание вовлекают в действие предрассудки, описываемые в терминах некоторой частной интерпретационной парадигмы, следовательно, даже методологически обоснованные суждения, которые мы считаем объективными, являются предрассудками»⁸.

Какие же традиции из мифологических времен остаются действенными до сих пор? Какие традиции можно в полной мере назвать *инвариантными для человеческого познания*?

Главным подобным инвариантом является, на наш взгляд, познавательная традиция, сообщающая о своего рода *Едином плане*, согласно которому происходит все во Вселенной. Мифы многих народов мира посвящены описанию подобных планов возникновения и функционирования Вселенной. Несмотря на все многообразие и пестроту мифологических представлений, неизменно в них присутствует стремление охватить и описать Мировое Целое в соответствии с какой-либо единой, чаще всего иерархической, схемой.

Главный вопрос, волновавший древнегреческих философов, состоял, по мнению исследователей, в следующем: «лежит ли в основе всего, что происходит во Вселенной, некий единый план»⁹? Единый план как традиция познания, как одна из главных его *парадигм*, развиваясь, приобретает в дальнейшем иные облики, сохраняя при этом своё основное содержание. Так, *со времен пифагорейцев этот План начинает пониматься математически*: «Пифагорейцев поразило, что весьма различные в качественном отношении явления обладают одинаковым математическими свойствами; значит математические свойства выражают сущность явлений»¹⁰. По преданию, *Пифагор*, поражённый царящим в мире порядком и гармонией, назвал мир *Космосом*, гармонически упорядоченным единством.

Интересно отметить, что и сами представления пифагорейцев о мировой гармонии опирались на их

¹ Там же. С. 152.

² Там же.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю // Обществ. науки и современность. 1999. №1. С. 109.

⁶ Jaspers K. Vom Ursprung and ziel dez Geschichte, 1949. S. 149.

⁷ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 40.

⁸ Gadamer H.-G. Hermeneutics, tradition and reason. Cambridge, 1987. P. 80.

⁹ Клайн М. Математика. Утрата определенности. М.: Мир, 1984. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 21.

математические и акустические открытия, благодаря которым были установлены числовые отношения для музыкальных интервалов – тона, кварты, квинты, октавы. Однако затем эти отношения были *экстраполированы* на весь Космос как на некий «громоздкий музыкальный инструмент».

Надо отметить, что именно от древнегреческих мыслителей ведёт своё начало традиция союза математики и естествознания, *математизация наук* вообще. В основе этой традиции лежат представление о единстве окружающего мира, его содержательно-структурной однородности и, как следствие, принципиальной возможности переноса закономерностей из одной предметной области познания в другую. Математизация познания соединилась с традицией поиска Единого Плана, что привело к возникновению представлений о Математическом плане, в соответствии с которым мир создан и существует. Среди зачинателей и последователей этой традиции можно назвать Пифагора, Платона, Аристотеля, Евклида, Кеплера, Декарта, Галилея, Ньютона и других учёных.

Другая древнейшая традиция, один из главных инвариантов нашего отношения к миру – *традиция библейская* (в Библии, кстати, также представлен Единый план сотворения мира), утверждающая, что человек является венцом творения, и что остальной мир отдан ему во владение и пользование. Начиная с эпохи Нового времени, именно эта идея человека как господина, хозяина окружающей действительности совершает своё поистине триумфальное шествие – ведь именно таков был замысел основателей европейской науки.

Сошлёмся для примера на высказывание Р.Декарта: «Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, мы могли бы использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы»¹.

Как продолжение и следствие этой традиции возникает другая – *традиция противоборческого отношения к природе*: природу надо целенаправленно использовать, покорять, обуздывать, ставить на службу для достижения целей и задач человека – для удовлетворения всевозможных потребностей её полновластного хозяина, созданного по образу и подобию Бога. В настоящее время человечество в полной мере осознало «прелести» этой традиции, но повторяем, эта традиция – древняя, по сути мифологическая.

Еще одна древняя познавательная традиция, ведущая свою историю со времён древнегреческих натурфилософов – *поиск архэ*, первоначала всего сущего: «в природе, как и в полисе, одной из стихий должно принадлежать господство, власть»². В этой связи нам хотелось бы особенно подчеркнуть здесь два момента.

Во-первых, поиск архэ «в природе, как и в полисе» обнажает, на наш взгляд, один из важнейших эвристических приемов познавательной деятельности – *экстраполяцию знаний*, полученных в одной предметной области (в «полисе»), на другую предметную область (в «природу»).

Во-вторых, обратим внимание на то, что *архэ* (первооснова мира) греческими философами понимается как *господствующая, властвующая стихия*. Немаловажным представляется также и то, что древняя традиция поиска архэ – *хозяина, господина мира в виде некой сущности (стихии)* – с целью познать этот мир и овладеть им, – перекликается с библейской традицией понимания роли человека в мире. *Познание, таким образом, может быть понято как овладение господствующим началом для того, чтобы господствовать самому*.

Согласно Ф.Бэкону, «цель научного знания – не знание ради знания, а господство человека над природой»³.

Познание с целью управления, для решения насущных человеческих задач – вот самый общий смысл такой важной и действующей до сих пор познавательной традиции – *традиции поиска архэ*.

Еще одной неизменной по своему содержанию и поныне действующей традицией является *поиск окончательного знания, истины, алетии*, под которой в Древней Греции (в частности, в философии Платона) понималось *явное, несокрытое* существование вещей, их открытый и доступный человеческому пониманию порядок. Считалось, что выступающее в алетии всегда присутствует в мире и только «ждет» своего часа (подобно созреванию плода), чтобы стать человеческим знанием. Напротив, «то, что мы называем научным знанием, как правило, не является знанием в платоновско-аристотелевском смысле, а, скорее, представляет собой информацию, касающуюся различных соперничающих гипотез и способов, при помощи которой они выдерживают разнообразные проверки»⁴. Мы до сих пор подвержены этой познавательной традиции (в силу эссенциалистской направленности нашего познания) и хотя бы отчасти ориентированы на постижение сущности происходящего в мире, исследуя «первые начала и причины», исследуя, прежде всего, инвариантные для всех времен традиции.

Однако на определенных стадиях развития архаичного общества (особенно в древневосточных) традиция приобретает свою превращенную форму, рефлекслируясь и рационализируясь в рамках про-

¹ Декарт Р. Избр. произв. в 2-х т. М.: Наука, 1960. С. 286.

² История античной диалектики. М.: Мысль, 1972. С. 32.

³ Новейший философский словарь... С. 152.

⁴ Горелов А.А. Философия: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2003.

фессионально создаваемой культуры, запечатленной в определенных текстах, других письменно – знаковых выражениях. Все это, в конечном счете, приводит к расщеплению традиций на «первичные» и «вторичные» и, что особенно важно, «вторичные» становятся способными к развитию, к изменению, предполагают возможность перестройки прошлого через его постоянную переинтерпретацию в деятельной и знаковой формах, осуществляют отбор элементов человеческого опыта (мифологического опыта) через изменение самих укоренных в общую человеческую активность матриц. *Изменяемая (вторичная) традиция – это уже другая, отличная от первичной – отличная, прежде всего, тем, что она может изменяться, развиваться. Это и есть первоначальный прообраз нового понятия – понятия «знание».* Такая система традиций теперь в полной мере способна, во-первых, «связывать» человека с прошлым, закрывая (до известной степени) ему возможность ретроспективного произвола; с другой стороны, именно такая система традиций открывает человеку *перспективу свободы в настоящем и будущем на основе прошлого, учитываемого только избирательно*¹. Переход «традиция – вторичная традиция – знание» чрезвычайно важен – для понимания всей проблематики философии науки (об этом речь ещё впереди).

Ясно, что *такая активность человека* отличается от строго ритуальной, когда человек был не более чем «социальным автоматом» и мог «ходить» только «строим» и строго «по колее». *Теперь активность человека – некое отрицание ритуала* и именно её можно назвать первоначальной формой деятельности – активности не строго регламентированной, активности с определенной степенью свободы и выбора различных её «редакций». Вот только теперь «освобожденная» активность (деятельность) соединяется с освобожденной, способной к интерпретации и изменениям вторичной традицией (*первоначальной формой знания*).

Традиция напрямую связана с обрядом и ритуалом, неизменность которых «гарантирована» мифологическими парадигмами периодического возвращения правремени, вследствие чего и происходит восстановление изначального порядка.

Традиция обеспечивает воспроизводство в системах настоящей («живой», «непосредственной») активности апробированных и выдержавших испытание временем образцов прошлой («мертвой», «овеществленной») активности, т.е. *она детерминирует настоящее и будущее прошлым*, уже сбывшимся и выступающим как сумма условий любой человеческой активности. Более того, правомерность традиционных форм действий обосновывается и узаконивается самим фактом их существования в прошлом, а их эффективность оценивается через точность следования принятому образцу. Все элементы традиции пронизаны символическим содержанием, отсылают к закрепленным в той или иной культуре смыслам и архетипам.

Чтобы «присвоить» себе мир, сделать его своим, соответственно безопасным и понятным, *нужно расколоть, расчленить, разделить мир, словно ритуальную жертву, а затем все вновь собрать воедино*². Разве это не напоминает нам сегодняшний научный инструментальный анализа – синтеза? *Разве не находим мы в мифологическом по сути то неизменное отношение к миру и в научном, когда познание подобно ритуалу жертвоприношения, когда оно некая традиция жертвоприношения?*

Ещё одна важная особенность мифологического начала – *идея всеединства Мира*, которая актуализируется праздничными ритуалами, подчеркивает мантические возможности праздничного периода – периода космической неопределенности, периода смешения стихий и пребывания мира у истоков всех потенциальных возможностей; в этот период люди пытались по мельчайшим, едва определенным признакам, обнаружить зачатки будущего, ожидающего их³.

Итак, мы рассмотрели основное содержание понятия «традиция», которое является одним из главных элементов мифологии как целого.

Остановимся теперь на другом важном понятии, отмеченном как элемент мифологии выше – на понятии «активность человека в форме ритуала». Здесь, прежде всего, следует акцентировать внимание на следующем.

Ритуал (лат. ritualis – обрядовый, ritus – торжественная церемония, культовый обряд) – одно из основных понятий культурной и философской антропологии, позволяющее адекватно отобразить своеобразие человеческого поведения (активности) в «далеких» культурах – архаических, традиционных, мифологических. Ритуал изначально представлен как священнодействие, основанное на наделении вещей особыми (символическими) свойствами. Ритуальное начало оказывается основой повседневной трудовой активности человека, средством поддержания целостности человеческих коллективов (Малиновский, Дюркгейм), возможностью снятия психологического напряжения и гармонизации человеческой психики (Юнг). *Но главное в ритуале то, что он является неким священным действием, направленным на установление или поддержание вселенской и социальной упорядоченности.* Формой обязательного человеческого участия в праздничном обновлении мира и является архаичный, мифологический ритуал. Он начинается с действий, подчеркнута противоречащих общепризнанным нор-

¹ Новейший философский словарь... С. 1048.

² Домников С.Д. Указ. соч. С. 38.

³ Там же. С. 110.

мам. погружая тем самым «состарившийся» космос в «плодотворный» хаос. Затем ритуал начинает последовательно «восстанавливает» исконный порядок вещей. Ритуал по самой своей природе является синкретическим действием, к которому восходят в своих истоках более поздние и специализированные формы деятельности – производственно-экономическая, военно-политическая, религиозно-культовая, научная, художественная, образовательная и др.), но все же главным в ритуале является именно *праздничное разрушение – восстановление* с целью поддержания прочно установленного порядка. Человеческая активность, следуя традициям и табу – абсолютным образцам дозволенного (разрешенного) поведения, ритуализуется и вписывается в модель идеального равновесия Космоса, Природы. Именно ритуал выступает несущим каркасом мифологического (традиционного в целом) общества, *обеспечивая воспроизводство сакрального порядка вещей*.

В заключении лишь подчеркнем огромность дистанции между ритуалом, нацеленным на поддержание сакральной гармонии всего Космоса тогда и нынешней, современной активностью человека, сегодня «озабоченного» выдвинутой ... самим человеком на первый и главный план цели и ценности утилитарно-эгоистического действия автономного индивида... Дистанция действительно огромная!¹

У Гомера эпистемология слова «миф» включает сразу полтора десятка значений: «мысль», «предписание», «приказ», «совет», «назначение», «намерение», «цель», «обещание», «просьба», «умысел», «угроза», «упрек», «защита», «похвальба»; у Гесиода – «слова, несущие что-то важное – как истинное, так и ложное». Уже из этого вполне понятно колоссальное значение мифа – ведь миф многие века, причем самые трудные и опасные для человека, выполнял функции:

- а) установления равновесия между родовым коллективом первобытных людей и природой;
- б) особого целостного объяснения окружающего мира;

в) системы обрядов, ритуалов, праздников и т.д., с помощью которых люди как бы «вытанцовывали» представления о жизни и смерти, об отношениях между собой, между человеком и природой, становились соучастниками общих дел и «творения» Космоса, приобщались к требованиям ответственного поведения и сотворчества на всем пространстве своей жизни и деятельности, знали «красные» границы дозволенного и т.д.

С помощью мифа обеспечивалось единство целей, средств, результатов, мотивов, потребностей, отдельных циклов человеческой активности.

Разделяя миф на *профанную и сакральную области*, мифология обеспечила господство, подлинную реальность для первобытного человека не профанного (как, к сожалению, в настоящую эпоху), а именно сакрального.

Особо необходимо отметить *авторитарность мифа* – ведь миф не предоставляет индивиду возможностей для свободного выбора каких-либо альтернатив поведения, не допускает критического отношения к собственному содержанию. Иначе говоря, *мифологическое существует как одна мощная традиция*, «впечатанная в ритуалы», обязательная для всех членов данного первобытного коллектива, для всех без исключения, а принудительное следование этой традиции обеспечивается такими особенностями мифологического сознания, как коллективность, суггестивность, символичность. Естественно, что *такая авторитарная традиция* могла в течение продолжительного времени поддерживать устойчивые, неизменные представления о мире у своих последователей. Как подчеркивает И.Т.Яковенко, «динамика в сознании нашего далекого предка рождается тогда, когда умирает восприятие универсума человеческой деятельности как Ритуала, творимого в безграничном храме Божьего Мира»².

Утрата господствующего влияния мифологии на человека во всех без исключения элементах его жизни и деятельности начинается с *нового типа мифологии – т.н. героической мифологии*; её герой обладает качествами, позволяющими ему расправляться сначала с демоническими чудовищами, затем с явлениями природы, а затем и с самими богами! Постепенно появившееся из мифологии «героическое» воплощается в рациональном, которое сразу противопоставило себя мифу, более того, – под огонь рационального в качестве предмета критики попадает, в конечном итоге, и сам миф, прежде всего нормы рода, в том числе морали, различные запреты и табу. Затем последовал *разрыв рационального с ценностной стороной сознания*, начался этап *понятийного постижения мира*, сопровождавшийся ещё большим разрушением целостности, жестким фиксированием за понятиями добытых содержаний (знаний), выработки причинно-следственных и логических связей и т.д. – все это нарождающаяся наука – когнитивный осколок мифологии, в конечном счете, и разрушившая мифологические онтологию и мировоззрение человека, природу, общество, самого человека. Наука, господство которой все больше выражается в наших потерях, чем в достижениях, в кризисах и катастрофах, чем во взлетах и победах. Без всякого преувеличения можно сказать, что в многочисленных глобальных проблемах человечества велика вина именно научного шовинизма. Поясним сказанное.

Мифологическое – единство онтологического, гносеологического, праксиологического, эссенциалистического и аксиологического начал. Слитное мифологическое разрывается, расчленяется, разъединяется наукой (словно в жертвоприношении) на отдельные компоненты, уничтожая ту неповторимую

¹ Новейший философский словарь... С. 839.

² Яковенко И.Т. Указ. соч. С. 110.

целостность и единство, что так характерно для мифологии. Участвует в этом и наука (зарождающаяся наука), которой, в конечном итоге, достается *когнитивные осколки целостной мифологии*. Следует особо подчеркнуть последнее: наука – *когнитивный осколок целостной мифологии, часть, возмнившая себе целым*. Наука достигла колоссальных успехов в познании окружающего мира – это, несомненно, её огромная историческая заслуга. Но *её огромным минусом является решающая роль в нарушении целостного, охватывающего все пространство человеческой жизни и деятельности мифологического восприятия окружающего мира, уход от ценностных, аксиологических составляющих, и, как следствие, от нравственности, от сотворчества, от общности человеческих интересов*.

Наука, особенно новая наука, возникающая в эпоху Просвещения, стала ресурсом *свободного индивида, полагающегося на самого себя*. В отрыве от общих целей, в отрыве от нравственных и иных ценностей (моральные ценности в момент зарождения новой науки остались в ведении религии) – такая наука у *такого свободного, «отвязанного» индивида* не могла не привести к негативным, к многочисленным негативным для человека и мира последствиям – экологическим, экономическим, нравственным, культурным, духовным и т.д. *Такой наукоцентризм науки* привел к серьезному системному кризису человеческой цивилизации, что, в частности, отражено в познании нашей эпохи – *«эпохи ожидания гибели»*. Возникновение объектной науки, оторванной от человека, ориентированной сначала на истину, а потом и вовсе на пользу, но не на ценности, уже в классической науке приводит к представлениям о природе, полностью оторванной от человека, разрушает единый Космос, отбрасывает стыдливость человека, его мораль и превращает науку в *инструмент доминирования и диктата*; словами А.Пуанкаре: *«Сгибать природу так и эдак, покуда она не принорвится к требованиям человеческого рассудка»...*

Как было показано выше, уже появилась та «отвязанная» от традиции, от ритуала, от табу *деятельность*, которая может позволить себе преследовать иные, в том числе чисто *исследовательские*, а не только традиционно заданные цели и задачи; появилась *вторичная традиция*, которая готова менять свое содержание *точь-в-точь как научное знание*; появилась та *община*, то сообщество, которое может себе позволить не только ритуально – обусловленную активность – именно элита, вожди и жрецы, – и именно они являются будущим прообразом *общины научной*; для них уже даже в мифологические времена *знание* – один из основных ресурсов их власти, могущества, средство для эффективного управления тем большинством людей архаичного общества, для которых удел ходить строем и строго только по колее ритуалов и традиций...

Отметим, что *проявлена так же и логика, и некий первоначальный «понятийный аппарат»*, который «оттуда» как бы стартует в своих изменениях и движениях, но теперь уже в иные временные обстоятельства, в иные, уже в научные смыслы и содержания.

Такова мифология – великая, загадочная, до сих пор крайне необходимая. Мы до сих пор пользуемся ее достижениями – речью, обществом, деятельностью, нравственностью, наукой, образованием, религией, техникой, властью и т.д., но при этом даже не задумываемся о том, что все это подарил нам единственный состоявшийся пока человек. Человек мифологический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.А. Новый мир: Собиране человека // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
2. Горелов А.А. Философия: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2003.
3. Декарт Р. Избр. произв. в 2-х т. М.: Наука, 1960.
4. Домников С.Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество. М.: Алетея, 2002.
5. История античной диалектики. М.: Мысль, 1972.
6. Клайн М. Математика. Утрата определенности. М.: Мир, 1984.
7. Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат 1991.
8. Новейший философский словарь / Редколл. ... Я.С. Яскевич. Мн.: РИВШ, 2005.
9. Романов И.Н., Костяев А.И. Философия. Исследования – тексты – схемы – таблицы – упражнения – тесты. Учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2003.
10. Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В.Г.Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004.
11. Тайлор Э.Б. Первобытные культуры / Пер. с англ. Д.А.Коропчевского. М.: САТИ ИАЭТ СОРАН, 2003.
12. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
13. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю // Обществ. науки и современность. 1999. №1.
14. Gadamer H.-G. Hermeneutics, tradition and reason. Cambridge, 1987.
15. Jaspers K. Vom Ursprung and ziel dez Geschichte, 1949.